М.М. Рогожа

Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки

Традиционные претензии этики на побуждение человека к практической деятельности получают дополнительные мощные импульсы в связи со стремительным развитием различного рода междисциплинарных *прикладных этик*. Этика бизнеса и биоэтика, экологическая этика, этика научных исследований являются своеобразным ответом на потребность в моральной оценке процессов, проходящих в тех отраслях практики, которые в своем функционировании продуцируют состояния моральной неопределенности. Наиболее уязвимые и неоднозначные с точки зрения морали сферы человеческой жизнедеятельности, несомненно, требуют задействования этического инструментария, разработанного в моральной теории. Именно такая востребованность этической теории при решении конкретных практических проблем дает основание рассматривать прикладную этику как новую стадию развития этики, на которой теория морали смыкается с живой нравственной практикой[1].

Теоретические вопросы о критериях, по которым действие (поступок) может быть подвергнуто моральной оценке, оказываются в центре этического дискурса прикладной направленности. Ведь действия, которые подвергаются моральной оценке, не на-

[1] Такой точки зрения придерживается, в частности, А.А.Гусейнов. См.: Этика: энцикл. словарь / Под ред. Р.Г.Апресяна и А.А.Гусейнова. М., 2001. С. 388–389; *Гусейнов А.А*. Размышления о прикладной этике // Ведомости Научно-исслед. ин-та прикладн. этики. Вып. 25: Профессиональная этика / Под ред. В.И.Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. Тюмень, 2004. С. 148–159.

думаны, не сконструированы в ходе мыслительных экспериментов для подтверждения действенности теоретических выкладок. Напротив, сама теория возникает как ответ на практическую необходимость моральной оценки конкретных ситуаций, в которых действуют/поступают конкретные люди (А.А.Гусейнов называет их «конкретными ситуациями человеческого бытия»[2]).

Локализация этих «конкретных ситуаций» достаточно разнообразна. Ситуация, в которой действия индивида требуют моральной оценки, может касаться его индивидуального опыта, а также быть связана и с опытом социальной жизни. Соответственно, «пространства», попадающие в поле зрения этика, различны. Более того, различны и критерии оценки действий в этих пространствах. Для социального пространства наибольшую важность приобретает оценка (социальной) значимости содержания действия и его результата, при этом критерий оценки по мотиву отодвигается на второй план. Что касается пространства индивидуального опыта, то единство мотива и результата, целей и средств оказывается решающим при удостоверении моральности действия.

Такие различения, достаточно четко прослеживаемые в живой нравственной практике, находят отражение и в этической теории. Показательно, что в статьях «Словаря по этике» только для действия, моральность которого возможно удостоверить в единстве всех его составляющих, используется термин *моральный поступок*, тогда как для социально значимого действия достаточным является обозначение *моральное действие*[3].

Топологическое членение морали, как и дисциплинарное деление этики на индивидуальную и социальную, является предметом непрекращающихся споров в самом сообществе этиков[4]. Сфера морали качественно неоднородна, и с этим утверждением никто из исследователей не спорит. Но это, вероятно, одно из немногих положений, не вызывающих возражений. После такой констатации

---

[2] См.: *Гусейнов А.А.* О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // Филос. науки. 1990. № 6. С. 80.

[3] См.: Словарь по этике / Под ред. А.А.Гусейнова, И.С.Кона. 6-е изд. М., 1989. С. 67, 260.

[4] Показательна в этой связи дискуссия, развернувшаяся после публикации статьи Р.Г.Апресяна «Понятие общественной морали (опыт концептуализации)» (Вопр. философии. 2006. № 5. С. 3–17). См. дискуссию: http://ethicscenter.ru/f/soc_eth.html.

возможны различные стратегии обоснования единства морали путем нахождения точек соприкосновения индивидуальных и социальных ее параметров. Теоретические построения такого плана несомненно важны. Но в поле прикладной этики сложно обоснованное единство морали зачастую провоцирует смешение и подмену критериев оценки действий как раз по линии, разграничивающей «нравственное самосовершенствование личности» и «нравственно оптимальную организацию общества»[5].

Прикладной характер этических исследований, к которым относится, в частности, и вопрос о моральной оценке действий индивида в конкретной практической ситуации, требует внятных критериев, в соответствии с которыми эта оценка может быть проведена. И здесь теоретические конструкции должны быть предельно ясны для того, чтобы производимый анализ мог быть четким и адекватным. Подмена критериев чревата размыванием системы координат для оценки. А это, в свою очередь, провоцирует либо излишнюю упрощенность оценки, либо неуместное завышение требований, ведущее к морализаторству. Смешение и/или подмена критериев в основном происходит в одном направлении: установки нравственно совершенствующейся личности переносятся в качестве моральных требований в социальное пространство для «нравственно оптимальной» организации общественной жизни.

Соотнесение морального поступка и морального действия со сферами индивидуальной и социальной морали, соответственно, позволяет более четко производить оценку действия индивида в конкретной ситуации, которая обычно достаточно явно локализована в одной из указанных сфер.

Так, в пространстве индивидуальной морали вполне обоснованно можно ставить вопрос о том, какое действие индивида является моральным поступком.

Моральный поступок – это сложный целостный акт, в наивысшей точке исполнения которого сопрягаются в единстве мотив, действие и результат. Для того чтобы квалифицировать некое действие в качестве морального поступка, все его составляющие должны быть удостоверены как нравственно безупречные, с осо-

[5] Так очерчивает линию разделения сфер морали А.В.Прокофьев. См.: *Прокофьев А.В.* Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности // http://ethicscenter.ru/biblio/prokof.html

бым акцентом на моральность мотива. Тональность оценки поступка как единицы индивидуального поведения личности задает прежде всего этика И.Канта. Не менее важными являются и идеи М.М.Бахтина – относительно морального поступка как поступка ответственного. Принять на себя ответственность и поступать согласно долженствованию – и означает поступать нравственно.

В «Философии поступка» М.М.Бахтин четко указывает, что ответственный поступок как нравственный акт может быть и мыслью, и чувством, а не только конкретным материальным действием. Но в современных прикладных исследованиях внимание сосредоточивается преимущественно на материальных (физических) действиях. Более того, в ряде практик поступок-мысль и поступок-чувство без их активного воплощения в жизнь может оказаться формой морального эскапизма, превращая индивида из деятеля в пассивного наблюдателя. Понятие ответственности подразумевает активность позиции индивида, более того, активное действие. А какая-либо форма уклонения от действия (и, следовательно, ответственности) дает основание исключить его из рассмотрения по критериям морального (ответственного) поступка.

М.М.Бахтин пишет, что высшей формой морального поступка является «жизнь как сплошное поступление», поскольку «вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некий сложный поступок»[6]. Это значит, что по форме моральный поступок может быть и единичным (разовым) актом, и сложным поступком – «поступлением жизнью своей», то есть сознательно избранной ответственной жизненной стратегией. Это различение обусловлено целями, которые ставит перед собой индивид.

Как отмечает А.А.Гусейнов, человек «черпает цели из самого себя», но если подразумевать, что «цели становятся целями только тогда, когда они могут быть переведены на язык средств, трансформированы в конкретные материальные действия»[7], тогда очевидна не только необходимость самого действия, но и его обусловленность целями. Соразмерность целей и средств действия для каждого конкретного человека задает свой масштаб нравственного

---

[6] *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 1920-х гг. М., 2003. С. 8.

[7] *Гусейнов А.А.* Ценности и цели: Как возможен моральный поступок // Этическая мысль. Вып. 3 / Под ред. А.А.Гусейнова. М., 2002. С. 10.

поступка. Принимая на себя ответственность, индивид ставит перед собой цель и определяет средства для ее достижения. Главное, чтобы и цели, и средства были морально значимы.

Выявление морального мотива поступка – чрезвычайно сложная процедура. Сложности возникают уже в самом определении некоего побуждения в качестве мотива, а тем более в выявлении меры его моральности. В ходе вычленения мотива из общего массива диспозиций, субъективных переживаний и порывов личности в этической теории были выработаны тонкие дистинкции между мотивами, намерениями, склонностями и т. д. Однако эти изыскания, имеющие несомненную теоретическую ценность, не оказали существенного влияния на практическое разрешение проблемы мотива. Поэтому самое общее и, в целом, интуитивно ясное определение мотива как внутреннего субъективного побуждения к действию является и самым распространенным. Но это совершенно не означает ясности и прозрачности его оценки в качестве морального. Любая оценка внутреннего побуждения деятеля извне, т. е. не самим исполнителем действия, а «посторонним наблюдателем» содержит долю подозрения в непрозрачности, неадекватности измерения внутреннего мира другого человека, а также сомнения в его стремлении к добродетели и склонности творить добро. В свое время И.Кант заметил, что эти сложности возникают не только у постороннего наблюдателя, но и у самого агента действия, которому «не дано проникнуть в собственную душу столь глубоко, чтобы быть вполне уверенным в чистоте своих моральных намерений и ясности своего образа мыслей хотя бы в одном поступке, даже если он не сомневается в его легальности»[8]. Невозможность удостовериться в нравственной чистоте мотива деятеля привела И.Канта к выводу о невозможности воплощения морального поступка в чистом виде в реальной жизни, но не заставила отказаться от признания чистоты мотива в качестве критерия морального поступка.

А.А.Гусейнов, анализируя сложности оценки поступка как целостного акта, приходит к выводу, что единственно возможным моральным поступком в живой нравственной практике оказывается *поступок негативный.* «Негативный» поступок – это

[8] *Кант И.* Метафизика нравов / Пер. Б.А.Фохта // *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 327.

действие, которое деятель сознательно не совершает, от которого отказывается, несмотря на все соблазны и искушения, отказывается только потому, что считает его морально неприемлемым[9]. Это не бездействие, не отрицание действия, а сознательное действие, негативность которого обусловлена выполнением, соблюдением морального запрета (негативного требования). Пафос «негативного» поступка состоит в соблюдении единства критериев оценки при соответствии кантовским требованиям к чистоте мотива и аристотелевской направленности на осуществимость поступка на практике. «Абсолютность в смысле нравственной чистоты» дает основания для единства и целостности поступка, а воля индивида не творить то, что не до́лжно творить предполагает нравственное усилие, своеобразное нравственное самоограничение и самодисциплинирование.

Подтверждение такой позиции можно найти в сочинениях одного из наших «великих моралистов», Л.Н.Толстого. Так, в «Пути жизни» он указывает, что «усилия… всегда во власти человека», поскольку: 1) «совершаются они только в настоящее мгновение, то есть в той безвременной точке, в которой прошедшее соприкасается с будущим и в которой человек всегда свободен»; 2) «заключаются [усилия] не в совершении каких-либо могущих быть неисполнимыми поступков, а только в воздержании от поступков, противных любви к ближнему и сознанию человека в себе божественного начала»[10]. Самодисциплинирование и самоограничение обусловлены указанием на конкретные усилия отречения от телесных удовольствий, усилия смирения и усилия правдивости (воздержание себя от «противных истине поступков»).

Очевидно, что в данном рассуждении Л.Н.Толстого речь идет о «негативных» поступках. Указание на «настоящее мгновение» дает основание рассматривать каждый из поступков в качестве единичного, вершащегося «здесь и сейчас». Даже регулярно повторяемый, он каждый раз потому и оказывается возможен, что един в целостности уникальных обстоятельств, его спровоцировавших. Следует отметить, что «негативный» поступок локализован в пространстве индивидуального поведения, где воля деятеля может быть единственным определяющим фактором в принятии

[9] *Гусейнов А.А.* Ценности и цели: как возможен моральный поступок. С. 31.
[10] *Толстой Л.Н.* Путь жизни // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1956. С. 15.

решения о его совершении. И он не может распространяться за пределы индивидуального пространства, туда, где воля перестает быть единственным основанием поступка.

Но сознательно избираемая жизненная стратегия, выступая как сложный поступок, не может ограничиваться только серией негативных действий, хотя может и включать их в качестве элементов. У Л.Н.Толстого «негативные» поступки включены в жизненную программу индивида («дело человека в этой жизни»), которая сформулирована достаточно позитивно: исполнение «воли Бога», то есть увеличение любви в себе и ее проявление в мире[11].

Такое «поступление жизнью своей» получает обоснование в этической теории М.М.Бахтина. Вместо формально-жесткого соответствия универсальному закону М.М.Бахтин вводит экзистенциальную установку на абсолютность индивидуальной ответственности. Акцентирование жизненности поступка, задаваемого абсолютной ответственностью, расширяет его возможности, насыщая, обогащая его человечностью, провоцируя деятеля к его свершению. Этот аспект оказывается определяющим при конструировании жизни как сложного ответственного поступка – «поступления жизнью своей».

Вместо «абсолютной нравственной чистоты», удостоверяемой «абсолютным запретом», у М.М.Бахтина деятелю предоставляется свобода «изнутри… знать ясный и отчетливый свет», с помощью которого он может ориентироваться в мире. Деятель «ясно видит и этих индивидуальных единственных людей, которых он любит, и небо, и землю, и эти деревья, … и время, и вместе с тем ему дана и ценность, конкретно, действительно утвержденная ценность этих людей, этих предметов, он интуирует и их внутренние жизни и желания, ему ясен и действительный, должный смысл взаимоотношений между ним и этими людьми и предметами… и его долженствование поступочное, не отвлеченный закон поступка, а действительное конкретное долженствование, обусловленное его единственным местом в данном контексте события»[12]. Ответственность, по большому счету, задается событийностью, моментами, определяющими поступок и жизнь как поступок. Единство поступка – это сплавление воедино бытия и долженствования, ответ-

[11] *Толстой Л.Н.* Путь жизни. С. 95.

[12] *Бахтин М.М.* К философии поступка. С. 30–31.

ственность за которое деятель принимает уже самим фактом своего поступления (признанием своей причастности к «единому бытию-событию»). Экзистенциальный тон такого подхода, подчеркнутая значимость «эмоционально-волевого мышления» ориентируют индивида в мире (в бытии) и позволяют утверждать смысловое содержание поступка.

Со-бытийность и со-переживание как составляющие, обусловливающие конструирование ответственной жизненной стратегии, достаточно внятно объясняются наличием «эмоционально-волевого» компонента поступка. Их же следует учитывать и для целостности восприятия образа того индивида, который стремится к конструированию (индивидуального) ответственного образа жизни. Жизнь «из себя, со своего единственного места» предполагает самодисциплинирование и самоограничение, граничащие с аскетизмом, поскольку «моя ответственная центральность может быть жертвенной центральностью»[13]. Такая установка зачастую сопровождается категоричностью, происходящей от пламенной (эмоциональной) убежденности в ее истинности. Так, Л.Н.Толстой убежден, что «чем меньше потребностей, тем счастливее жизнь»[14].

Показательно, что в таком же ключе формулируют понятие «эколого-этического способа жизни» многие современные активисты экологического движения: «Это такой способ существования человека, когда в процессе его развития материальные потребности не возрастают, а сводятся к минимуму. И чем экологичнее сознание [человека], тем меньше у него потребностей. Наверное, наивысшая степень проявления экологического сознания – это аскетический образ жизни»[15]. Такой образ жизни содержит в себе четко выраженный аскетический элемент, обусловленный превышающим требования долга самоограничением. Осуществление такой программы не является «негативным поступком» в строгом смысле. Но пафос «негативного действия» здесь все же присутствует. Индивид стремится к сознательному, доведенному до крайней точки напряжения самоограничению, воспринимает как долженствование *не* потреблять более чем необходимо.

---

13 *Бахтин М.М.* К философии поступка. С. 45.

14 *Толстой Л.Н.* Путь жизни. С. 104.

15 Форум Экоэтика // http://www.ecoethics.mrsu.ru/forum/viewtopic.php?t=69&postdays=0&postorder=asc&start=30

Примечательно то, что утверждения и Л.Н.Толстого, и одной из активисток экологического движения были высказаны в схожих обстоятельствах. «Путь жизни» – это сведенные под одной обложкой просветительские брошюры, «книжечки» максим, изречений и советов «на каждый день», публикуемые самим Л.Н.Толстым для массового, «народного», чтения. В этих брошюрах в доступной форме излагались правила поведения, рекомендуемые обычному человеку. А «эколого-этический образ жизни» был достаточно непосредственно и лаконично сформулирован активисткой экологического движения на тематической площадке интернет-форума по экологической этике, где был задан просвещенческий по духу вопрос: «Что обычный человек может сделать для защиты окружающей среды?» В обоих случаях *обычному человеку* был предложен аскетизм. Данный подход представляется очень интересным, давая ход размышлениям сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, он очень емко иллюстрирует «нравственность совершенствующегося индивида» и ее перфекционистский характер, о чем пишет, в частности А.В.Прокофьев, очерчивая ее как усилия отдельного человека, направленные на «совершенствование жизни в соответствии с устремленностью к идеалу, на возвышенную и кропотливую проработку различных форм духовной практики» посредством «безупречного по своей структуре и способности сознания»[16]. Схожесть направления размышлений «великого моралиста» и современных активистов экологического движения, а также индивидуальных практик, основанных на таких размышлениях, позволяет считать, что данная позиция является достаточно распространенной среди ищущих (нравственного) совершенствования индивидов.

Во-вторых, против такой позиции нельзя выступить аргументировано – любое возражение будет представлять собой попытку ограничить добровольное нравственное самосовершенствование личности, насильственное вмешательство в индивидуальную духовную практику.

Но следует принять во внимание, что такого рода свободная самореализация личности в соответствии с идеалом (в данном случае аскетизмом) возможна лишь в индивидуальном пространстве,

[16] *Прокофьев А.В.* Подвижная связь межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт) // Этическая мысль. Вып. 5 / Под ред. А.А.Гусейнова. М., 2004. С. 33–34.

ограниченном пределами личной ответственности. Именно в нем возможно конструировать собственную жизнь, проделывать ту кропотливую работу, которая требует самоконтроля, самоограничения и самодисциплины. Очевидно, что полностью такая установка не может быть реализована на практике. Но уже сам путь к идеалу делает человека нравственным (а тот, кто проходит этот путь до конца становится «учителем человечества»/»великим моралистом»). Человек может идти по этому пути, и должен это делать, если у него есть убежденность и воля.

Здесь показателен пример жизненного пути А.Швейцера. Осознав свое предназначение служить людям, он избирает профессию врача и уезжает в Африку лечить нуждающихся. Но свой способ жизни, результат сознательного выбора, он воспринимает в качестве индивидуального действия. Оценивая посильность для себя этой миссии и будучи убежденным в ее правильности, он никоим образом не навязывает его кому бы то ни было. Более того, он подчеркивает, что в силу различного рода жизненных обстоятельств путь свободного личного служения открыт единицам, а не массам. Индивиду, ступающему на этот путь, следует рассматривать свою жизнь не как геройство, но как долг, а «удачу» такой возможности воспринимать «в духе скромности и смирения»[17]. А.Швейцер в своих воспоминаниях отмечает, что неоднократно отговаривал разных людей от выбора индивидуального действия именно потому, что они стремились взяться за масштабные задачи, пренебрегая теми, что казались им мелкими и незначительными. По его мнению, «только тот, кто способен найти ценное в любой деятельности и посвятить себя ей с полным пониманием своего долга, – только такой человек имеет внутреннее право поставить себе целью некоторую экстраординарную деятельность вместо той, которая естественным образом выпала на его долю»[18].

На эту моральную установку А.Швейцера следует обратить внимание именно потому, что здесь очевидно отличие его позиции от духовной настроенности Л.Н.Толстого, хотя оба по праву отнесены А.А.Гусейновым к плеяде «великих моралистов». Л.Н.Толстой стремится к преобразованию общественной жизни в соответствии с аскетическим идеалом, поучая всех в параметрах индивидуально-

[17] *Швейцер А.* Жизнь и мысли / Пер. А.Л.Чернявского. М., 1996. С. 57.
[18] Там же.

перфекционистской морали, в то время как А.Швейцер определяет масштаб преобразования мира в соответствии со своими возможностями, то есть избирает пространство, в котором он может действовать свободно. Он ограничивает свою деятельность служения людям собственным подвижничеством, сознательно отрицая саму возможность навязать свой способ жизни другим.

Такая четкость и ясность самооценки тем более важна, что перед совершенствующимся индивидом неизбежно встает вопрос о пределах ответственности. Определяя цели, превышающие индивидуальные возможности, принимая абсолютную ответственность за действия, находящиеся вне личностного пространства, индивид неизбежно сталкивается с несоразмерностью поставленных целей и доступных средств. Варианты ответа совершенствующегося индивида на такой вызов могут быть различными. Но только осознание несоразмерности и корректировка собственной жизненной стратегии совершенствования в соответствии с пространством личной ответственности является адекватным ситуации ответом. Иные стратегии без минимизации требований по отношению к себе, а тем более к иным людям оказываются достаточно уязвимыми, если не сказать больше – драматичными.

Одним из вариантов ответа на вызов несоразмерности может быть отказ индивида от поступка вообще. Направленность на совершенствование – это одна из граней направленности на совершенство, и невозможность достичь последнего, умноженная на осознанную несоразмерность цели и доступных средств, вполне вероятно запускает логику выбора: «или все – или ничего». А «ничего» – это как раз отказ от поступка, то есть бездействие, что ни в коем случае не эквивалентно «негативному» поступку. Именно в такой драматической ситуации оказывается главный герой романа А.А.Зиновьева «Живи». Отказ от поступка из-за невозможности достичь совершенства толкает героя не просто в рутину конформизма и обыденности, но гораздо ниже – в беспробудное пьянство на самом дне жизни[19].

Не меньшее опасение вызывает и привнесение перфекционистских требований личностного совершенствования в социальное пространство. Лишь совершенствующийся индивид может воспринять перфекционистские требования в качестве должен-

[19] *Зиновьев А.А.* Живи. СПб., 2004. С. 19–214.

ствования, принять их и в соответствии с ними выстроить собственный жизненный план. Аскетизм, как и другие превышающие требования долга обязательства, имеет ярко выраженный личностный характер, волевое решение относительно которого принимается индивидом самостоятельно, посредством добровольного нравственного усилия. Воплощение в живой нравственной практике программы совершенствования общества на таких началах, предложенное Л.Н.Толстым, возможно только при условии внедрения перфекционистских установок в качестве принципов организации общественной жизни. Это предполагает не только то, что все члены сообщества должны быть способны к совершенствованию и желать его, но и то, что им в обязанность дóлжно вменить сознательные усилия поступать нравственно.

Общество таких совершенствующихся (и совершенных) личностей в этической литературе получило несколько ироническое название «сообщества ангелов»[20]. С самого начала исследователями подразумевался «воображаемый» характер такого объединения, выступающего как мыслительная конструкция, невозможная в живой нравственной практике. Но даже в идеальной модели «человеческий фактор» (варьирование меры совершенства между членами сообщества, различная степень их информированности по принципиальным вопросам), собственно то, вследствие чего люди еще остаются людьми, а не превращаются в богов, оказывается решающим для учреждения определенной надперсональной инстанции. Эта инстанция гарантирует членам этого сообщества следование путем совершенствования, дисциплинирует их и санкционирует дисциплинарное принуждение к совершенствованию. Таким образом, одного лишь «эмоционально-волевого усилия» и даже самóй «доброй воли» недостаточно для внедрения перфекционистских установок в качестве принципов организации общественной жизни. Принуждение, оказывающееся необходимой составляющей даже в «воображаемом сообществе ангелов», тем более становится необходимым условием эффективности в реальной социальной практике. Модусы такого принуждения зависят от характера ценностей, которые принимаются в качестве нормы данным обществом.

[20] См.: *Прокофьев А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: Исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород, 2006. С. 107–131.

Механизм принуждения оказывается тем жестче, чем выше нормативные требования, предъявляемые членам общества. Если аскетический образ жизни принять в качестве нормативной установки, то некая надперсональная инстанция должна будет обладать совершенными (тотальными) методами принуждения, что может выражаться в различных модификациях тоталитарного режима[21] (например, «новый дивный мир» О.Хаксли).

Возможность возникновения парадоксов и перекосов при прямом перенесении перфекционистских установок в социальное пространство обусловливает необходимость корректировки моральной оценки в соответствии со следующей формулировкой: какое действие индивида в социальном пространстве является моральным?

Такая постановка вопроса позволяет задействовать инструментарий социальной этики, разработанный для анализа тех моральных норм и ценностей, посредством которых организуется социальное пространство морали. В таком ключе осмысляет направленность социально-этических исследований Р.Г.Апресян. Социальная мораль значима прежде всего в своей дисциплинарной функции, обусловленной очевидной «необходимостью целесообразного взаимодействия в обществе как относительно едином организме»[22]. В качестве примеров задействования социальной этики Р.Г.Апресян приводит: 1) «отдельные сообщества», «где нравственность может ограничиваться некими конвенциональными или контракторными формами»; 2) «конкретных индивидов», непреодолевших конвенциональную стадию моральности. Представляется, что эти разноплановые примеры работают на прояснение специфики социальной морали в ее функциональном и качественном аспектах.

Дисциплинарная функция морали обусловлена необходимостью горизонтального упорядочения взаимодействия индивидов в социальной группе. Моральная регуляция в таком ракурсе становится «сетью взаимных обязательств, которые люди как чле-

---

[21] Х.Арендт представила тоталитаризм как политическую систему, призванную совершать беспрецедентное насилие и принуждение во имя неутилитарных целей. См.: *Арендт Х.* Джерела тоталітаризму / Пер. В.Верлоки, Д.Горчакова. Киев, 2005.

[22] *Апресян Р.Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали // Оправдание морали: Сб. научн. ст. к 70-летию Ю.В.Согомонова / Отв. ред. В.И.Бакштановский, А.Ю.Согомонов. Тюмень, 2000. С. 42.

ны одного сообщества берут на себя с целью поддержания его целостности»[23]. «Правила поведения» определяются в большей степени конвенционально, что имеет основание во «взаимном соблюдении обязательств», своего рода исходной установке социального бытия индивидов. На это в свое время указывал апологет конвенциональной социальной морали Д.Юм. Он отмечал, что, вырабатывая договоренности относительно правил поведения и установления их на практике, индивиды склонны морализировать, поднимая их на уровень правил моральных. Достигаться эти договоренности могут на основе общих интересов. Комментируя конвенционализм Д.Юма, современный американский исследователь Р.Хардин отмечает, что общие интересы, разделяемые всеми членами общества, могут быть только *минимальными*, поскольку «по сути являются теми интересами, которые все мы разделяем с другими ради создания порядка, который позволил бы нам преуспевать»[24]. Заинтересованность каждого члена общества в порядке/упорядоченности заставляет каждого (и всех) искать и находить, нарабатывать и соблюдать этот объединяющий минимум.

Если общие интересы минимальны, то и конвенциональные правила, возводимые в ранг норм посредством соглашений (согласия соблюдать правила), тоже минимальны. Соответственно, минимальными являются и требования, которые могут быть предъявлены каждому члену общества.

М.Вебер использует формулировку «этический минимум» для обозначения того типа отношения к светскому закону, который апостолы выводили из жизни и учения Христа[25]. У самого Вебера нет пояснения такому минимализму, но оно может быть выведено из его текста: в учении Христа апостолы увидели не только проповедь нравственного совершенствования (безусловно, приоритетную для спасения души), но и некий социально обязывающий минимум, необходимый для жизни «в миру». Обязательность «светского закона» основывается на необходимости взаимодействия индивидов в социальном пространстве. Если минимум *«этический»*, то он значим для всех, кто включен во взаимодей-

---

23 *Апресян Р.Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали. С. 43.

24 *Hardin R.* David Hume: Moral and Political Theorist. Oxford, 2007. P. 154.

25 *Вебер М.* Социология религии / Пер. М.И.Левиной // *Вебер М.* Избранное: Образ общества. М., 1994. С. 270.

ствие. Но поскольку это все же *минимум*, то обязывает он не насыщенностью, «содержанием истин», которые могут показаться упрощенными совершенствующемуся индивиду, а системообразующей силой практической настроенности членов общества, вынужденных взаимодействовать. Именно эта сила позволяет «минимуму» обретать обязывающую силу. Таким образом, «этический минимум», или *минимализм* социальной морали просматривается в содержательной усеченности моральных требований, способных объединить индивидов при их соблюдении.

В таком контексте особое значение приобретает уточнение качественного состава субъектов взаимодействия. Поскольку моральные требования предъявляются *всем* членам общества, следует учитывать, кто эти «все». Даже простое наблюдение за живой нравственной практикой позволяет судить о том, что далеко не все члены общества обеспокоены нравственным совершенствованием. А извечные сетования моралистов на «падение нравов» свидетельствуют о том, что количество таких несовершенных (и не-совершенствующихся) индивидов удручающе велико. Когда возникает необходимость искать «общие интересы» или ценности, способные быть общими для таких, по-своему уникальных, но абсолютно разных индивидов, поиск неизбежно приводит к очевидному качественному минимализму. На это указывает в своем исследовании Г.Зиммель: «То, в чем сходится большое число людей, должно быть, в общем адекватно… уровню того из них, кто стоит на низшей ступени»[26].

В данном вопросе Г.Зиммель проводит мысль о нивелировании (моральных) ценностей до уровня наименее (нравственно) развитых индивидов. Такой подход созвучен с тезисом Р.Г.Апресяна о том, что в социальной этике адаптивность доминирует над совершенствованием[27]. Действительно, поиск моральных механизмов, регулирующих приспособленность к (со)существованию в обществе для индивида, включенного в социальное взаимодействие, является более важной социальной задачей, чем проработка индивидуальной духовной практики совершенствования, остающейся в пределах индивидуального (частного) пространства.

---

[26] *Зиммель Г.* Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / Пер. Н.Н.Вокач, И.А.Ильина // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996. С. 394.

[27] *Апресян Р.Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали. С. 44.

Если подразумевать под нахождением общих интересов основание для единообразия действий в соответствии с ними, то социальное согласие может быть достигнуто при условии, выявленном Г.Зиммелем: когда «высший опустится на ту ступень, которую он уже преодолел», поскольку «только то может быть обще всем, что составляет достояние беднейшего»[28].

Эти минималистские установки определяют и параметры действия, которое может быть признано моральным в социальном пространстве. Речь идет о действии, по определению рассчитанном на социально значимые содержание и результат. Важность этих составляющих подчеркивает и А.В.Прокофьев, указывая, что в сфере социальной этики действия господствуют над любыми ценными феноменами психики, например, мотивами[29]. В пользу этого свидетельствуют и консеквенциалистские теории морали.

В контексте социальной этики вопрос о возможности «обычного человека» поступать в социальном пространстве нравственно, приобретает исключительную важность потому, что моральное действие ожидается не от некоего коллективного субъекта (предприятия, государства, международной организации, признанных субъектов социальной морали, действия которых в свете вызовов современных социально-этических проблем представляются соразмерными их возможностям), а от конкретного человека, способного принять посильное участие в социально значимом деле. Социальный уровень морального требования активируется при введении уточнения «обычный», то есть *всякий, каждый*. Речь идет об участии членов общества, обычных людей, в деле, социальная значимость которого не вызывает сомнения. В этом вопросе наибольшее значение придается обычности, рутинности, повседневности и что немаловажно – *посильности* действий каждого. Требования, предъявляемые к индивиду, не превышают требований долга, более того, они не предполагают особых его усилий при совершении действия. А для того чтобы их практиковали все члены общества, предъявляемые требования должны быть реалистичны.

---

[28] *Зиммель Г.* Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования. С. 386.

[29] *Прокофьев А.В.* Подвижная связь межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт). С. 55.

Минимальные требования к социально ориентированным действиям индивида, доступные и понятные для исполнения, зачастую воплощены в форме повседневных правил, практических советов и рекомендаций. Традиция морализирующей литературы такого плана уходит корнями в далекое прошлое. Но, как справедливо замечает М.Оссовская, практические советы непрофессиональных философов редко получают высокую оценку со стороны этиков[30]. Причиной такого состояния дел, по ее мнению, является не-научность моральных программ практиков-морализаторов, порой бессистемность и теоретическая необоснованность их советов.

Представляется, что это не единственная причина. Образ «среднего человека», нацеленного на минимализм, кажется настроенным на возвышенный тон интеллектуалам слишком мелким и по-мещански ограниченным. Поэтому он и подпадает под критику многих философов и писателей. Так, «маленький человек», *верша-щий «малые дела»* и тем самым отвлекающийся от великих общественных задач, становится едва ли не постоянным персонажем произведений А.П.Чехова. А Н.А.Бердяев с пренебрежением указывает на «пафос малых дел», противопоставляя его героическим порывам, окрыленности и «духу Прометея» великих свершений[31].

Однако «всеобщая умаленность» долженствования, обусловленная бытовой (мещанской, буржуазной) моралью только тогда приобретает негативную оценку, когда происходит указанная выше подмена оснований, по которым оцениваются действия: когда от социально ориентированного действия ожидается моральный пафос индивидуального совершенствования, и «малые дела» оцениваются по критериям морального поступка. При установлении четких критериев, по которым оценивается моральность (социального) действия и (индивидуального) поступка значительно уменьшается возможность подмены/искажения оснований оценки. Каждый из этих актов может быть рассмотрен только с учетом контекста, в котором он совершен.

Если в социальном действии важно удостоверить моральность самого действия и его результат, то вполне оправданными являются поучительные советы практиков-морализаторов, призванные поощрять моральные действия обычных людей в общественной жизни. Поэтому Б.Франклин, которому принадлежит особое ме-

---

[30] *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / Пер. К.В.Душенко. М., 1987. С. 234.

[31] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М., 2006. С. 314.

сто в этом жанре, отмечал, что «можно дать совет, но нельзя совершить поступок вместо другого. Однако.., если человеку нельзя советовать, то ему нельзя и помочь»[32].

Значимость деятельности этого американского просветителя сложно переоценить – он стремился обучить своих сограждан практике добродетели в ежедневных «малых делах». Многочисленные брошюры («Советы молодому торговцу», «Путь к изобилию», «Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым» и т. п.); издаваемый им четверть века ежегодный «Альманах» так же как и публичные лекции, собиравшие полные залы слушателей, помогали американским обывателям в житейских делах. Уже из самих названий брошюр видно, что наибольшее количество советов касается проблемы финансовой надежности, которую просветитель считал основным мерилом добродетели. Нормативный образец, сформированный Б.Франклином, – человек, заслуживающий кредита, – это своеобразный этический минимум, достичь которого может каждый. Установка на бережливость, трудолюбие, порядочность, умеренность, верность слову обусловливает моральные требования, которые, не превышая требования долга, доступны для выполнения каждым членом общества, стремящимся к удовлетворению своих интересов. Просветительская программа Б.Франклина представляется *прикладным* аспектом социальной этики британских просветителей, и прежде всего Д.Юма, голос которого в поучениях Б.Франклина слышен довольно отчетливо[33].

В лучших просветительских традициях создаются и компендиумы современных советов: «Как добиться сотрудничества», «Путь эффективной жизни», «Поступай так». Вероятно, одним из наиболее известных авторов в XX в. стал Д.Карнеги, книги которого более полувека переиздаются по всему миру. В предисловии одной из брошюр он указывает, что своими советами стремится обучить читателя искусству жить и ладить с людьми в деловых и общественных контактах, а его рекомендации будут полезны как бизнесмену, так и домохозяйке[34].

---

32 *Франклин Б.* Путь к изобилию, ясно указанный в предисловии к старому Пенсильванскому Альманаху «Бедный Ричард» // Американские просветители: избр. произв. в двух томах. Т. 1. М., 1968. С. 96.

33 *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. С. 239.

34 *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Пер. Е.Мусихина. Екатеринбург, 2000. С. 7.

Достаточно популярными являются и советы по специальным вопросам. По мере нарастания экологического кризиса и очевидном влиянии его последствий на жизнь обывателя, особую актуальность приобретают «эко-советы на каждый день». Так, видный американский общественный деятель А.Гор заканчивает книгу «Неудобная правда» главой под названием «Что вы лично можете сделать для преодоления климатического кризиса». Здесь каждый читатель, рядовой, среднестатистический человек, найдет «целый ряд практических рекомендаций, позволяющих уменьшить негативное воздействие, которое наш высокотехнологичный образ жизни оказывает на природу»[35]. Внимательное прочтение этих советов объясняет причину уверенности А.Гора в их эффективности: посильное участие каждого является гарантией от бездействия. Основной замысел автора в том и состоит, чтобы уверить читателей, что и «малыми делами» возможно способствовать предотвращению планетарной катастрофы. И непосильность этой глобальной задачи отступает перед осознанием важности собственного (посильного) участия в ее разрешении.

Британский активист здорового образа жизни Дж. Сеймур создает справочник самообеспечиваемости, в котором каждый желающий может почерпнуть массу практических советов под девизом: «Сделай своими руками». На основе собственного опыта автор предлагает читателям вносить качественные изменения в свой образ жизни посредством малых дел, минимизирующих зависимость современного человека от чрезмерного воздействия технологий. Обучая читателей порой забытым, порой трудоемким практикам, он актуализирует традиционно буржуазные добродетели трудолюбия и бережливости, подчеркивая, что пропагандируемый им образ жизни – это не уход от цивилизации и не «возвращение к идеализированному прошлому», но здоровая, творчески насыщенная, интересная жизнь в согласии с собой и окружающим природным миром. Самообеспечиваемость – это «принятие полной ответственности за все, что вы делаете и за то, что не делаете, и одной из ее величайших наград является радость от очевидной правильности каждого дела»[36].

---

[35] *Гор А.* Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу / Пер. А.П.Калюжного. СПб., 2007. С. 305.

[36] *Seymour J.* The Complete Book of Self-Sufficiency. L., 2003. P. 7.

Все эти советы обосновываются, как правило, экономической эффективностью – «малые дела» выгодно совершать. И такой аргумент тем более примечателен, что понятен каждому. Вопрос: является ли апелляция к выгоде приемлемым мотивом? – актуален лишь в перфекционистском рассуждении. Консеквенциализм однозначно отвечает, что возможно и оправданно апеллировать к выгоде для достижения благого результата. Более того, в истории этики рассуждения о соотношении пользы и общего блага встречаются достаточно часто. Многие философы приходили к выводу о том, что человек может подразумевать свою личную выгоду в качестве следствия своего действия и это не приуменьшает его моральность, если само действие направлено на общее благо.

И хотя в подобного рода советах речь идет о таких «малых делах», которые философу-этику кажутся недостойными упоминания, а написаны они языком, очень далеким от «профессионального» этического дискурса, недооценивать этот пласт литературы нельзя. Своей практической направленностью эти советы призваны помочь каждому человеку действовать морально в общественной жизни, научить его правильному поведению вне зависимости от общеобразовательного уровня читателя и меры его устремленности к самосовершенствованию. «Малые дела», рекомендуемые авторами популярных сборников, основываются на том минимуме требований, которые можно предъявить среднему человеку исходя из общих интересов членов общества. А это означает, что в практику «малых дел» могут включиться все, поскольку все заинтересованы в эффективном социальном взаимодействии.

Каждый может совершать «малые дела», но гораздо эффективнее будут усилия каждого, если есть уверенность в том, что каждый другой способен и заинтересован делать то же самое; если есть уверенность, что «малые дела» совершаются и другими членами общества, то есть всеми. Кумулятивный эффект, важность которого постоянно подчеркивается как философами, так и активистами общественных движений, оказывается достижимым. И состоит он не только в социально значимом результате, но и в подтверждаемом практикой социальном единении, то есть в самом социально ориентированном моральном действии (в логике рассуждения: «я это делаю + я уверен, что это делают окружающие = мы достигаем не просто результата, а наиболее эффективного результата»).

Таким образом, индивидуальный поступок и социально ориентированное действие («малое дело») следует оценивать по критериям, соответствующим тем пространствам морали, в контексте которых они и совершаются. Моральная ценность каждого такого акта соразмерна критериям, предъявляемым к моральному поступку и моральному действию в индивидуальной и социальной морали соответственно. Смешивать или подменять эти критерии непродуктивно потому, что только адекватная оценка каждого из них дает стимул индивиду поступать нравственно в зависимости от его возможностей, способностей и установок.

Библиография

1. Американские просветители: Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968.

2. *Апресян Р.Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали // Оправдание морали: Сб. науч. ст. К 70-летию Ю.В.Согомонова. Тюмень, 2000.

3. *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопр. философии. 2006. № 5.

4. *Арендт Х.* Джерела тоталітаризму. Киев: Дух і літера, 2005.

5. *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. словари, Яз. славян. культуры, 2003.

6. *Бердяев Н.* Смысл творчества. М.: АСТ, 2006.

7. *Вебер М.* Избранное: Образ общества. М.: Юрист, 1994.

8. *Гор А.* Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу. М.: Амфора, 2007.

9. *Гусейнов А.А.* О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // Филос. науки. 1990. № 6.

10. *Гусейнов А.А.* Размышления о прикладной этике // Ведомости Научно-исслед. ин-та прикладн. этики. Вып. 25: Профессиональная этика / Под ред. В.И.Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. Тюмень, 2004.

11. *Гусейнов А.А.* Ценности и цели: Как возможен моральный поступок // Этическая мысль. Вып. 3 / Под ред. А.А.Гусейнова. М., 2002.

12. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.

13. *Зиновьев А.А.* Живи. СПб.: Издат. дом «Нева», 2004.

14. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.

15. *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Екатеринбург: Литур, 2000.

16. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

17. *Прокофьев А.В.* Концептуализация понятия «общественная мораль»: Некоторые проблемы и трудности // http://ethicscenter.ru/biblio/prokof.html

18. *Прокофьев А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: Исследование неоднородности нравственных феноменов. Вел. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006.

19. *Прокофьев А.В.* Подвижная связь межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт) // Этическая мысль. Вып. 5 / Под ред. А.А.Гусейнова. М., 2004.

20. Словарь по этике / Под ред. А.А.Гусейнова, И.С.Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989.

21. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Гослитиздат, 1956.

22. *Швейцер А.* Жизнь и мысли М.: Республика, 1996.

23. *Этика: Энциклопедический словарь* / Под ред. Р.Г.Апресяна, А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

24. *Hardin R.* David Hume: Moral and Political Theorist. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

25. *Seymour J.* The Complete Book of Self-Sufficiency. L.: Cordi Books, 2003.